

паратами для записывания и толкования нейронной деятельности во время сна, – иначе говоря, для чтения снов⁴⁵.

Новые способы управления Новым Человеком будут готовы задолго до его создания: они составляют неотъемлемую часть мифа.

⁴⁵ См.: <http://www.bbc.co.uk/news/science-environment-11635625> (проверено 16 декабря 2012).

Б. В. Орехов, М. С. Рыбина
«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
И «ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ»:
ЕЩЕ РАЗ О СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ

Сопоставление «Слова о полку Игоре» (СПИ) и «Песни о Роланде» давно стало частью вузовской учебной программы, своего рода филологическим трюизмом. Поэтому исследователь вправе рассчитывать, что существуют фундаментальные печатные труды, основательно разбирающие проблему, на которые можно было бы опереться в дальнейших разысканиях. Однако на деле все обстоит не так радужно. Отсутствуют монографии, целиком посвященные этой проблеме, хотя аналогии между СПИ и «Песнью о Роланде» приводились в статьях начиная с XIX века¹. Обобщающей на эту тему можно было бы признать статью Д. С. Лихачева в Энциклопедии СПИ², но, к сожалению, целый ряд высказанных в ней тезисов нуждается в уточнениях.

Например, Лихачев пишет, что «Карл и Святослав символизируют собой нац. и гос. единство своих стран. Они мирно управляют своими странами, пока герои идут в поход»³. Однако верховные правители, как следует из текста, вовсе не столь миролюбивы.

Король наш Карл, великий император,
Провоевал семь лет в стране испанской,
Весь этот горный край до моря занял,

¹ В. Дынник пишет о В. Каллаше как о первом исследователе, который посвятил систематическому сравнению СПИ и «Песни о Роланде» специальное исследование в 1900 г. *Дынник В.* «Слово о полку Игоре» и «Песнь о Роланде» // Старинная русская повесть. М.; Л., 1941. С. 54.

² *Лихачев Д. С.* «Песнь о Роланде» // Энциклопедия «Слова о полку Игоре»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 4. С. 93–95.

³ *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 94.

Взял приступом все города и замки,
Поверг их стены и разрушил башни (I, 1–5).
Carles li reis, nostre emperere magne
Set anz tuz pleins ad estet en Espagne:
Tresqu'en la mer cunquist la tere altaigne.
N'i ad castel ki devant lui remaigne;
Mur ne citet n'i est remes a fraindre (I, 1–5)⁴.

Ср. в СПИ: «Святъславъ грозный великий кievский грозою бяшесть притрепеталь своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже. И падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ gridницѣ Святъславли» [88–89]⁵.

Еще одна аналогия также не представляется убедительной: «В С<ПИ>, как и в П<есни> о Р<оланде>, кажется, что поэт, пораженный горем, не может расстаться с ним, не может перейти к др. теме. Он как бы останавливает свой рассказ, предаваясь горестным размышлениям и воспоминаниям о таких же несчастьях в прошлом»⁶. Если в СПИ действительно обнаруживают себя авторские отступления, содержащие описания прошлых бедствий (например, фрагменты [64] и далее, [197] и др.), то в «Песни о Роланде» подобные ретроспекции не проявляются.

На наш взгляд, нуждаются в уточнениях и указанные автором статьи типологические параллели: «Между С<ПИ> и П<есню> о Р<оланде> есть и др. черты типологич. близости: вещие сны, знамения, приметы, заботливое перечисление воен. добычи и мн. др.»⁷. Здесь Д. С. Лихачев опирается на обзор работы В. Каллаша в статье В. Дынник: «В. Каллаш отмечает в обеих поэмах <...> точность и заботливость при перечислении военной добычи, введение мотива “вещих снов” и “знамений природы”»⁸. В отношении СПИ слова о заботливом перечислении военной добычи могут быть приняты как справедливые, хотя и с некоторыми оговорками: строго говоря, в СПИ военные трофеи каталогизируются только

⁴ La Chanson de Rolland ou de Roncevaux du XIIème siècle. Paris, 1837. P. 1.

⁵ Нумерация фрагментов СПИ дается в квадратных скобках в соответствии с членением Р. О. Якобсона.

⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 94.

⁷ Там же.

⁸ Дынник В. Указ. соч. С. 54.

в одном месте: «Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы половецкыя, и рассушыя стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половецкыи. Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружіе – храброму Святъславличу!» [37–39]. Что касается «Песни о Роланде», то описанию добычи в ней уделено еще меньше места, так что говорить о «заботливости» в этом контексте было бы некоторым преувеличением⁹. Подобная детализация скорее характерна для «Песни о моем Сиде», которая подробнее осваивает бытовой предметный мир.

Редким исключением оказываются строки «Песни о Роланде», где достаточно лаконично обозначена награда рыцарей:

Рать оделил добычею большой –
Оружьем, золотом и серебром (VIII, 99–100).
Mult grant eschech en unt si chevaler
D'or e d' argent e de guarnemenz chers (VIII, 5).

Не вполне точным представляется и такое суждение: «Чудесный, сверхъестественный элемент в С<ПИ> слабее, чем в П<есни> о Р<оланде> <...> Что же касается чудесного элемента, то в С<ПИ> он все же интенсивно проникает в описания природы»¹⁰. Нельзя согласиться с тем, что сверхъестественное в СПИ присутствует лишь в описании природы. Многие в СПИ имеют неясный статус, и во многих местах нельзя исключать присутствия фантастического. Так, мы не знаем, действительно ли Всеслав Полоцкий является для автора оборотнем, а Див – мифологической птицей и пр. Положительное решение этих вопросов значительно увеличивает число сверхъестественных элементов, и не только в пейзаже. Кроме того, параллель между СПИ и «Песнью о Роланде» на основании проникновения чудесного в описание природы, не является чем-то специфическим и присущим только этим двум текстам, поскольку мы попросту имеем дело с широко распространенным и в фольклоре, и в литературе анимализмом.

Не менее спорно и утверждение, что «гиперболизация в С<ПИ> не достигла такой сильной степени, как в П<есни> о Р<оланде>».

⁹ Более подробно в «Песни о Роланде» перечисляются посольские подарки Марсилия, которые нельзя отнести к добыче (IX, XIII).

¹⁰ *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 94–95.

Поэтому образ князя Святослава ближе к ист. князю Святославу, чем образ императора Карла в П<есни> о Р<оланде> к ист. Карлу»¹¹. Во-первых, гиперболы в СПИ настолько частотны, что становятся одним из доминантных стилиевых приемов (что опять же характерно для стилистики древнего эпического текста). Русские воины «мостят мосты» через болота тканями [38], Осмомысл подпирает горы, затворяет Дунаю ворота, метает «времены» за облака [130], Святослав иссушает потоки и болота [89], Всеволод стреляет удалыми сынами Глебовыми [126]. Этот перечень, естественно, далеко не исчерпывающий. Во-вторых, следует упомянуть довольно распространенное мнение о сильной идеализации автором «беспомощного» князя Святослава¹².

Гораздо полнее СПИ и «Песнь о Роланде» сопоставлены в упоминавшейся статье В. Дынник. Несмотря на вполне добросовестную работу автора по обзору существующих точек зрения и фиксации сходств и различий между памятниками, при обращении к этому исследовательскому тексту также нельзя обойтись без уточнений. Так, В. Дынник в качестве параллели указывает на то, что Изяслав Галицкий в СПИ изображен на златокованном столе, а король Франции на престоле литого золота¹³. Однако всего несколькими страницами ранее автор понижает в значимости другое подобное сходжение между текстами, отмечая, что оно является одним «из излюбленных мотивов поэтического творчества вообще»¹⁴. В таком случае необходимо указать, что престол из золота – тоже характерный фольклорный и раннелитературный образ.

Ту же поправку можно сделать и по поводу слов «оба автора, повествуя о битве, прибегают к одному и тому же приему поэтической гиперболизации <...> Une mais nuls hum en tere n'en vit plus “А сицей рати не слышано!”»¹⁵. Едва ли это не самая частотная характеристика битвы в фольклорных текстах.

С тех же позиций требуется уточнить и такое сообщение В. Дынник: «Сходство между ними [Игорем и Роландом. – Б. О., М. Р.] не ограничивается общими чертами героев народного эпоса – отвагой, неустрашимостью в бою, беззаветной готовностью

¹¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 94.

¹² Яценко Б. И. Святослав Всеволодович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 4. С. 273–276.

¹³ Дынник В. Указ. соч. С. 54.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 60.

постоять за правое дело и за свою воинскую честь, – оно касается и индивидуальных черт их характера и поведения», прежде всего заглушающий чувство опасности воинственный пыл¹⁶. Однако это свойство тоже можно отнести к характерным особенностям эпического героя. Пылкость, вспыльчивость, реализуемая в наиболее архаических текстах как физический телесный жар, подчеркивается при описании, например, ирландского Кухулина. Его возница Лойг в повести «Болезнь Кухулина и единственная ревность Эмер» говорит одному из союзников: «Я боюсь, как бы господин мой не обратил свой боевой пыл против нас, ибо он еще не насытился битвой. Пойдите и приготовьте три чана с холодной водой, чтобы он остудил в них свой пыл. Он прыгнет в первый чан – и вода закипит в нем, прыгнет во второй – и вода в нем станет нестерпимо горяча; и лишь когда он прыгнет в третий чан, вода станет в меру горячей»¹⁷.

Однако ради справедливости нужно сказать, что не имеющий филологической подготовки читатель вряд ли будет разделять для себя специфические сходства между СПИ и «Песнью о Роланде» и те, которые объединяют эти два текста с большинством других произведений фольклора и архаической литературы.

Не вполне последовательна и другая указанная В. Дынник параллель: «Характерный прием словотворчества русского поэта, заключающийся в придании эпитетам формы собственных имен (“При Олзе Гориславличи”, “Галички Осмомысле Ярославле”), – один из излюбленных приемов и у автора “Песни о Роланде”, где, например, брат царя Марсилия носит имя Фальсарон (от fals – ложный, лживый), целый ряд “сарацинских” имен образован от слова “mal” – “скверный”, “злой” (Мальсарен, Мальдюит, Малькидин, Малькид)»¹⁸. Однако если в СПИ «говорящими именами» награждаются русские князья, независимо от их исторической роли, то во французском эпосе такой прием применяется только к антагонистам сарацинам, но не к франкам.

Отдельного примечания заслуживает и тезис В. Дынник, трактующий правдоподобие (в терминах автора – «реалистичность») СПИ и «Песни о Роланде» в сравнении с текстами германского фольклора: «И “Песнь о Роланде”, и “Слово” значительно реа-

¹⁶ Там же. С. 61–62.

¹⁷ Саги об уладах. М., 2004. С. 172–173. Аналогичный эпизод есть и в повести «Похищение быка из Куалнге».

¹⁸ Дынник В. Указ. соч. С. 54.

листячней саг, “Нибелунгов” и других произведений германского эпоса в трактовке образов, в развитии всего сюжета. Здесь нет ни страшных чудовищ, ни мудрых и хитрых карликов, ни всей мифологической фантастики, составляющей неотъемлемую черту германского эпоса»¹⁹. Упомянутая в этом ряду «Песнь о нибелунгах», пожалуй, содержит не больше фантастических эпизодов, чем «Песнь о Роланде». Необычайные события сюжета о Зигфриде вынесены за пределы повествования (поединок с драконом и другие подвиги королевича). «Мудрых и хитрых карликов» мы тоже скорее обнаружим в эддических текстах, чем в истории о ссоре двух королей, а единственный упоминаемый там карлик Альбрехт не очень подходит под указанные В. Дынник характеристики. Наконец, не все так однозначно и с сагами. Северогерманские «саги об исландцах», например, «произведения, в основном правдоподобные даже с нашей современной точки зрения»²⁰.

Еще меньше исследований мы обнаруживаем во Франции. По сути дела, в обзор может быть включена только статья Дж. З. Патрика²¹, в которой основной тезис о соответствии СПИ мировым литературным стандартам утверждается через сопоставление с «Песнью о Роланде». Различия двух памятников обусловлены, по мысли автора, такими факторами, как «национальный менталитет» (*esprit de race*), «гений языка» (*génie de langue*), тип поэтической речи (стихи ↔ проза) и, наконец, изображенными реалиями. Симптоматично, что автор определяет быт СПИ как патриархальный, а французского эпоса – как феодальный, что не соответствует историческим фактам, но свидетельствует о стремлении к «архаизации» СПИ. Сходство же обнаруживается на уровне сюжетной схемы и традиционных клише (описание войска или природы, скорбящей по героям). По модели «Песни о Роланде» Патрик трансформирует две битвы войска Игоря (первая [37–39] и вторая [48–56] и [68–73]) в три, принимая, вероятно, лирическое отступление об Олеге Гориславиче за событийную границу между двумя сражениями²². Отмечая «поразительное сходство» сна Святослава с видениями Карла Великого (эту аналогию часто проводят и другие исследова-

¹⁹ Дынник В. Указ. соч. С. 63.

²⁰ Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984. С. 28.

²¹ Patrick G. Z. La Chanson de Roland et Le Dit des guerriers d'Igor // *Romanic review*. 1924. Vol. XV. P. 296–307.

²² Там же. С. 302.

тели), автор статьи не обращает внимания на то, что их сюжетные функции различны: Карл видит пророческие сны, предвосхищающие последующие события, в то время как сон Святослава повествует об уже случившемся, но еще не известном сновидцу.

Итак, наблюдения по поводу, казалось бы, банального филологического сюжета не отличаются ни системностью, ни бесспорностью. Иными словами, то, что представляется исследователем очевидным и самодостаточным, требует ревизии и систематизации. Рамки статьи не позволяют полностью описать картину типологических соответствий двух средневековых текстов, но все же попытаемся обозначить основные позиции.

СПИ и «Песнь о Роланде», оформившиеся в эпоху зрелого средневековья, несут на себе все характерные черты эпических произведений этого времени: в фокусе внимания находится идея государственности, человеческий, а не фантастический мир, и к первому, а не ко второму принадлежит основной противник protagonists.

В обоих произведениях нашли отражение вассально-господские отношения, оформленные в пары Карл – Роланд, Святослав – Игорь; Карл – пэры, Святослав – бояре. «Принцип парности» проявляет себя и в наличии у главного героя ближайшего соратника: у Роланда это традиционный для героического эпоса побратим Оливье, у Игоря – брат Всеволод. Ср. в «Песни о Роланде»:

Роланд увидел: битвы не минуть,
Как лев иль леопард, стал горд и лют,
Воскликнул громко: «Побратим и друг!
Вам говорить такое не к лицу.
Не зря нас Карл оставил с войском тут:
Не знает страха ни один француз,
И двадцать тысяч их у нас в полку» (LXXXVIII).
Quant Rollant veit que la bataille serat,
Plus se fait fiers que leon ne leupart.
Franceis escriet, Oliver apelat:
«Sire cumpainz, amis, nel dire jà!
Li emperère, ki Franceis nos laisat,
Itels .XX. milie en mist à une part
Sun escientre, en i out un cuard»²³.

²³ Chanson de Roland. P. 44.

И в СПИ:

«И рече ему буй туръ Всеволодь: “Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый – ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копія въскрѣмлени”» [19–23].

Много общего лежит в области пространственной организации двух повествований. «Основным пространственным расчленением в “Слове” служит противопоставление “этого” и “того” мира. Обобщенным образом, покрывающим в космосе “Слова” весь реальный (живой) мир, является Русская земля»²⁴, в «Песни о Роланде» – милая Франция (*dulce France*). Между своим и чужим миром лежит мифопоэтическая граница (холмы в СПИ, ущелье в «Песни о Роланде»²⁵), которая разделяет не просто территории, но и мир неверных («поганых», т.е. язычников половцев и мусульман сарацин) и мир христиан. На защиту последнего встает герой²⁶ (защита своей земли – вообще главная обязанность эпического героя). Эта оппозитивная модель проецируется и на другие плоскости: мир сарацин ↔ мир франков в одном случае и мир половцев ↔ мир Руси в другом противопоставлены как Восток и Запад, как две прежде всего не географические, а культурные и цивилизационные парадигмы.

Оба произведения представляют историю о поражении: «В мировой литературе наиболее значительные произведения – песни о поражении. (“Песнь о Роланде”, “Слово о полку Игореве”). Почему же авторы избирают темы поражения? Победа как таковая <не годится> для постановки серьезных проблем. Победа – панегирик.

²⁴ *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. С. 215.

²⁵ Как рвутся в ключья и значки и стяги,
Как в цвете лет французы погибают!
Ждут матери и жены их напрасно,
Напрасно ждут друзья за перевалом (CIX).
Tant gunfanun rumpu e tant enseigne!
Tant bon Franceis i perdent lor juvente!
Ne reverrunt lor meres ne lor femmes,
Ne cels de France ki as porz les atendent (Chanson de Roland. P. 55).

Здесь, конечно, можно обратить внимание не только на отделенность войска Игоря от Руси аналогичным перевалу по функции холмом («О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!» [32]), но и на упоминание постоянно фигурирующих в СПИ жен русских воинов.

²⁶ «Здрави, князи и дружина, побарая за хрисьтяны на поганяя плъки!» [217].

Для показа патриотизма и героизма это менее подходящий материал. <...> Поражение – наиболее благоприятный материал для показа силы подлинных чувств человека»²⁷.

Что естественно для средневекового произведения, в обоих текстах присутствует эстетизация оружия, хотя и с оговоркой, что во французском эпосе этот момент значительно сильнее (мечи и другие воинские принадлежности имеют собственные имена).

Наконец, необозримое число параллелей лежит в области используемых в текстах принципов фольклорной поэтики (психологический параллелизм, одушевление природы, гиперболизация, магические числа).

Специфические для этих двух произведений сходные черты более ограниченного круга. Начиная от времени создания и даже жанровой автохарактеристики («само название “трудная повесть” почти совпадает с названием “chanson de geste”»²⁸), заканчивая соотношением леопарда (в древнерусском тексте «пардус», строфа LXXXVIII) с образом врага.

Перечень специфических и неспецифических параллелей, разумеется, не исчерпывается приведенными здесь примерами. На наш взгляд, проблема сопоставления СПИ и «Песни о Роланде» еще ждет системного исследования, которое должно быть не импрессионистичным, а выполненным в рамках строгого структурного подхода.

²⁷ Бахтин М. М. Лекции по истории зарубежной литературы. Античность. Средние века (В записи В. А. Мирской). Саранск, 1999. С. 60.

²⁸ Дынник В. Указ. соч. С. 58. Отметим, что этот тезис В. Дынник нуждается в лингвистическом уточнении.

Л. Н. Корнильева

ПОЭМЫ 1801–1814-ГО ГГ. В СИСТЕМЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. САУТИ

Поэмы Р. Саути 1801–1814-го гг. («Галаба-разрушитель» (1801), «Мэдок» (1805), «Проклятие Кегамы» (1810), «Родерик, последний из готов» (1814)) признавались лучшими произведениями поэта и достаточно подробно изучались¹. Мы попытаемся расширить круг

¹ См., к примеру, следующие работы: *Saintsbury G.* Southey. Lesser poets of the later eighteenth century // *The Cambridge History of English Literature.* New